

— Господь даровал мне это лицо, но это же чистое наказание. Остается лишь надеяться, что у него нет некрофильских наклонностей, — прошептал Бай Чжи. :)

Система: ...Я буду считать, что это была шутка.

Дуань Цэ, поначалу действовавший без всяких стеснений, вскоре понял, что ситуация куда серьезнее, чем он полагал.

Нахмурившись, он сурово спросил:

— Ты точно всё как следует вычистил?

Бай Чжи, который втайне готовился к новой порции грубости, от такого вопроса даже приуныл. Он молча уткнулся лицом в подушку.

В глазах Дуань Цэ это выглядело как признак стыдливости: человек явно смущен необходимостью приводить себя в порядок после близости. Видимо, этот парень действительно был девственником.

После долгого молчания Бай Чжи вдруг почувствовал, как его перевернули. Он только успел приподняться на кровати, чтобы взглянуть на Дуань Цэ, как раздался звонкий хлопок.

Лицо Бай Чжи мгновенно залила краска стыда и ярости. Как... как он смеет!

Даже в доме семьи Линь, когда он был ребенком, только отец позволял себе наказывать его подобным образом!

— Это наказание, — в глазах Дуань Цэ вспыхнул опасный огонек. — Если в следующий раз не вычистишь всё как следует, не надейся, что встанешь с кровати.

4.1.4 Властный генерал и прелестный музыкант

— Цзы Цин, прости, что доставляю тебе столько хлопот, — на усталом лице Бай Чжи появилась слабая, едва заметная улыбка. Эта усталость была вполне искренней.

Он был крайне недоволен тем, что объект его обольщения ограничивался лишь поверхностными ласками. Никакого удовольствия, зато пришлось больше часа плакать и терпеть — такая физическая нагрузка была выше его сил! Он больше не хотел! Ни за что!

Лучше смерть, чем отсутствие наслаждения!

Система на это лишь многозначительно промолчала.

— Как генерал может быть с вами таким грубым! — Цзы Цин с негодованием выкрутила тряпку

и осторожно протерла те места, которые Бай Чжи позволял ей касаться.

Некоторые раны начали затягиваться, но на их месте уже появились новые. Она мечтала лишь о том, чтобы генерал поскорее отправился на войну, иначе тело господина никогда не заживет!

Внутренняя сторона бедер Бай Чжи была сплошь покрыта краснотой и припухлостями. О том, чтобы встать на ноги, не могло быть и речи, ему было больно даже просто свести ноги вместе, поэтому даже в полдень он все еще лежал в постели.

Слушая жалобы служанки, он перевел взгляд вдаль и тихо произнес:

— Так даже лучше.

Бай Чжи: Разве такая жизнь не хороша? Кормят, поят, да еще и бесплатный секс прилагается.

Система: Да, вы правы. Хозяин, идет Дуань Цэ.

Бай Чжи лениво приподнял веки. Увидев, как огорчена Цзы Цин, он с мягкой улыбкой потрепал ее по голове:

— Так я всегда буду помнить о своем месте.

Эти слова, брошенные юношей вскользь, случайно долетели до чьих-то ушей.

Дуань Цэ замер на месте, его мысли спутались.

Этот человек был дарован ему в супруги самим императором, а он всё это время относился к нему как к дешевой игрушке. Видимо, юноша почувствовал его пренебрежение, раз сказал такое.

Система: Уровень симпатии Дуань Цэ: 40. Уровень душевной боли: 0.

Помедлив, Дуань Цэ вошел в комнату.

— Месте? Ты — моя законная супруга, что не так с этим статусом? Или ты считаешь, что я тебя недостойн?

Дуань Цэ, который долгие годы учился боевым искусствам, двигался бесшумно, чем немало напугал и Цзы Цин, и Бай Чжи.

— Я совсем не это имел в виду! — Бай Чжи попытался приподняться, но Дуань Цэ нажал ему на плечо, укладывая обратно.

— Лежи, — затем он бросил взгляд на Цзы Цин, стоявшую на коленях у кровати, и приказал: — Выйди.

— Слушаюсь, генерал.

Цзы Цин с тревогой посмотрела на Бай Чжи, чье лицо было скрыто в тени, и отошла на несколько шагов. Но затем, решившись, она снова опустилась на колени и, рискуя навлечь на себя гнев, проговорила:

— Господин и так измучен болезнями и ранами, ему больше нельзя заниматься... супружескими делами.

Она знала характер своего господина: даже если ему больно и неприятно, он все равно будет терпеть. Она была лишь скромной служанкой и не могла ничего изменить, но хотела хотя бы попытаться помочь.

Уголок губ Дуань Цэ дрогнул, в глазах на мгновение промелькнуло одобрение.

— Ты, служанка, и правда предана своей госпоже, — он направился к Цзы Цин.

Бай Чжи поспешно ухватил его за руку.

— Нет... она просто говорит глупости... — он боялся, что Дуань Цэ решит, будто служанка намекает на его разврат.

Это было чисто инстинктивное движение. Как только он осознал неуместность своего жеста и собрался отпустить руку, Дуань Цэ накрыл его ладонь своей.

— Глупости? Значит, ты все еще готов доставлять мне удовольствие? — в голосе Дуань Цэ, пронизывающем насквозь, слышалась насмешка.

Бай Чжи невольно отвел взгляд.

— Я... — он посмотрел на Цзы Цин, которая дрожала на полу, словно осиновый лист, и наконец ответил: — Да, я готов.

Он крепко зажмурился, часто хлопая ресницами, и стал ждать...

Вскоре он почувствовал, как с него снимают штаны.

Бай Чжи стиснул зубы. Он никогда не находил в этом ничего приятного — для него это было сродни пытке. Нужно просто перетерпеть, и всё закончится.

Однако спустя долгое время он почувствовал лишь прохладу, от которой в недоумении распахнул глаза.

— Генерал?.. — он никак не ожидал, что Дуань Цэ пришел лишь для того, чтобы нанести ему лекарство.

— Так сильно хочешь ублажить меня? — насмешливый шепот коснулся слуха Бай Чжи, и его щеки мгновенно вспыхнули.

На самом деле было очень щекотно, настолько, что он почти забыл обо всем остальном. Он пытался дернуться, но большая рука удерживала его на месте. К счастью, процедура длилась недолго.

Дуань Цэ отложил мазь, наклонился к смущенному Бай Чжи и низким, волнующим голосом прошептал:

— Ты — супруга генерала первого ранга, защитника государства, не смей себя принижать.

Дыхание генерала, словно перышко, опаляло ухо, но внимание Бай Чжи было приковано к словам. Он замер, не веря своим ушам.

Генерал признал его статус? Но ведь в брачную ночь он говорил, что этот брак не стоит воспринимать всерьез.

Бай Чжи хотел было что-то испуганно возразить, но его губы накрыл поцелуй. Тонкий, мягкий — он лишил его всякого дара речи.

— Тебе нужно научиться наслаждаться моей лаской, но помни: тех, кто предает меня... ждет печальный конец, — пальцы Дуань Цэ прошли по влажным губам Бай Чжи. Он приподнял бровь, и прежняя нежность сменилась властью.

Бай Чжи опустил голову и покорно кивнул. Он не просил многого, он просто хотел выжить.

Глядя на такую послушность, Дуань Цэ довольно усмехнулся. Как же этот человек умеет вызывать жалость и нежность! Почему он не замечал этого раньше?

В хорошем настроении Дуань Цэ щелкнул его пальцем по лбу:

— Слышал, ты умеешь играть на цине?

— Да, немного владею инструментом, — тихо ответил Бай Чжи, не поднимая глаз.

На самом деле он играл великолепно, но поскольку большую часть времени выступал в борделях, где исполнял лишь фривольные песенки, он никогда не хвастался своим мастерством.

— Тебя в борделе тоже звали Линь Моцзюнь? — Дуань Цэ повернулся к нему. Он спросил об этом, заметив замешательство на лице юноши, и понимал, что это связано с его прошлым.

Теперь он уже не испытывал такой неприязни к судьбе Бай Чжи: падение семьи и нужда — это был не его выбор.

Бай Чжи слегка покачал головой, и его губы побелели:

— Нет, они... называли меня Моцинь.

Едва он договорил, как напрягся: Дуань Цэ внезапно наклонился, взял его за подбородок и с усмешкой сказал:

— Я слышал твою игру, но тогда ты был за ширмой.

Если бы Бай Чжи услышал это раньше, он бы пришел в ужас — это напомнило бы ему о кошмаре, который он хотел забыть навсегда. Потеря статуса, жизнь в грязи — он не хотел вспоминать об этом.

Но сейчас он лишь остолбенел. Он пристально смотрел в лицо Дуань Цэ, пытаясь что-то уловить.

Возможно ли это? Неужели Дуань Цэ и есть тот самый генерал, который его спас?

Бай Чжи задумчиво нахмурился.

Однажды его чуть не заставили обслуживать клиента, потому что один богатый торговец из Цзяннани предложил пятьсот золотых за его девственность. В таком месте, если отдашься раз — не остановят. Если бы его лишили невинности, он бы навсегда перестал быть «чистым» артистом.

Он уже был готов покончить с собой, но один знатный гость, услышав его игру, передал через слуг похвалу. Хозяйка борделя решила, что он принесет еще больше прибыли, и отпустила его.

Позже он спрашивал, кто был тот гость, но хозяйка лишь уклончиво ответила, что это был какой-то генерал.

— Вы... вы когда-нибудь приказывали передать мне, что моя музыка хороша? — с надеждой спросил Бай Чжи.

Дуань Цэ, подперев подбородок рукой, небрежно хмыкнул:

— М-м. — Хвалил ли он его? Наверное. Разве он мог помнить такие мелочи? К тому же он не понимал, зачем юноша об этом спрашивает.

Бай Чжи поднял глаза, впервые так внимательно рассматривая Дуань Цэ. Тот был невероятно красив, с налетом дерзкой, притягательной свободы.

В сердце Бай Чжи забилось волнение. Он не ожидал, что генерал и есть его спаситель.

В его чистых, как родник, глазах постепенно разгоралось чувство.

Система: Откуда вы узнали, что это он?

Бай Чжи: Я придумала. Иначе как играть роль влюбленного? :)

В последующие два месяца Бай Чжи полностью переписал сюжет, в котором Дуань Цэ до самого ухода на войну больше не виделся с Линь Моцзюнем.

Гармония в постели сделала их общение приятным, ослепив всех тех, кто ждал их разлада. Днем они вели себя как идеальные супруги, а ночью предавались страсти. Это было время, которому многие завидовали.

Уровень симпатии Дуань Цэ поднялся до 60. Хотя это был лишь порог «нравится», это было куда лучше, чем ноль в самом начале.

Но расставание было неизбежным, и Бай Чжи было искренне жаль... тела генерала.

— Моцзюнь, жди меня, — Дуань Цэ стоял у ворот поместья в полном военном облачении. В его взгляде читалось обещание, которое Бай Чжи легко расшифровал.

Бай Чжи вздрогнул, его привычная маска безмятежности треснула. Печаль и нежелание расставаться на мгновение промелькнули на лице, но тут же исчезли.

— Желаю генералу победы, — его голос был таким же мягким, как всегда. Он словно возвел высокую стену вокруг своего сердца, чтобы никто не мог увидеть, что внутри, и никто не мог войти.

Но нашелся один человек, который решил эту стену разрушить.

Генерал в доспехах спрыгнул с коня, быстро подошел к Бай Чжи, одной рукой притянул его за затылок, и под изумленными взглядами окружающих его горячие губы накрыли губы Бай Чжи.

Дуань Цэ ласково ущипнул Бай Чжи за покрасневшую щеку, в отличном настроении вскочил в седло и в окружении солдат, среди поднявшейся пыли, вскоре скрылся из виду.

Бай Чжи долго смотрел ему вслед, затем плотнее запахнул одежду, изображая тоску, и только после этого развернулся.

Система: Кажется, генерал очень к вам привязан. Не хотите поехать с ним? Скоро он встретит свою «белую луну»!

Бай Чжи: Это лишь влечение к телу, не принимай близко к сердцу. Мне нужно помочь ему возвысить это чувство. :) Пора его отпустить.

Бай Чжи опустил взгляд на свои тонкие белые пальцы, и тени от ресниц легли на лицо красивым изгибом.

Стать музыкантом — разве это сложно?

Легкая улыбка на его отстраненном лице была настолько прекрасна, что даже система на мгновение замерла.

5.1.5 Властный генерал и прелестный музыкант

Три года спустя.

Бай Чжи превратился из посмешища в супруга, которого почитали как величайшего музыканта. Его музыка обладала даром исцеления, и теперь никто не осмеливался смотреть на него свысока. Его имя гремело по всей Поднебесной, а император даровал ему титул «Первая мелодия Поднебесной».

У водопада собрались ученые мужи, чтобы насладиться вином, и пригласили самого популярного музыканта того времени.

Юноша в белых одеждах слегка склонил голову, положив цинь на колени. Его лицо было пределом совершенства, недоступным даже величайшим мастерам. В нем не было вульгарности — лишь неземная чистота и мягкое достоинство.

Многие аристократы украдкой поглядывали на него, поднимали бокалы, пытаясь задеть его своими стихами. Но даже такие оскорбительные выпады не могли омрачить его спокойствия.

— Дзинь! — первый чистый звук струны мгновенно воцарил тишину. Он выпрямился, стряхнул с себя остатки задумчивости и открыл ясные глаза. Его тонкие пальцы порхали над струнами, почти превращаясь в размытое пятно.

Музыка, легкая и эфирная, казалась отражением его самого, словно он вот-вот должен был унести на ветру.

Поэты, которые еще мгновение назад что-то бормотали, замолчали. Его музыка уносила их в состояние чистого покоя, даря легкость, от которой невозможно было отказаться.

Когда музыка достигла своего апогея, ясное небо внезапно заволкло тучами. В присутствующих ударила фиолетовая молния толщиной с человеческое бедро, устремившись прямо к Бай Чжи. Люди замерли: неужели это Небесная кара?!

Небеса завидуют таланту!

Кто-то в наступившей тишине выдохнул:

— Сколько лет мы не видели музыканта, способного вызвать Небесную кару! Небеса помогают нашему государству Ли!

Даже система была потрясена. Даже оригинал, живший в эту эпоху, не мог играть с такой

мощью. Хозяин, будучи человеком из современного мира, играл так пронзительно... Система все больше понимала, что значит фраза «всемогущий» в графе навыков.

Система: Хозяин, вы просто чудо!

Эта Небесная кара принесла Бай Чжи невыразимое наслаждение. Возможно, этот мир действительно поделился с ним своей удачей.

Не зря он так рисковал, нарушая характер персонажа.

Музыка лучше всего отражает суть человека. В его игре не было ни капли обиды, только широта и свобода. Она была слишком агрессивной для юноши, который провел всю жизнь в задних дворах.

Когда последняя нота затихла, люди еще долго сидели с закрытыми глазами, не в силах вернуться в реальность. Когда они открыли глаза, их взгляды были полны обожания.

Бай Чжи был невозмутим. Он слегка поклонился, собираясь уйти, как вдруг из толпы вышел старик, хлопая в ладоши.

Увидев, кто это, Бай Чжи немедленно поклонился:

— Господин премьер-министр.

— Легкие пальцы, теплый звук, мелодия плавная и изящная. А главное — ты вкладываешь в нее душу, — старик погладил бороду, осыпая Бай Чжи похвалами. — Ты человек не для заурядной жизни. Если бы мог, я бы отправил тебя на поле битвы, чтобы ты показал себя там.

Цзи Чэнъин похлопал его по плечу и удалился под почетные поклоны.

Все думали, что он сожалеет о том, что Бай Чжи заперт в четырех стенах, и только Бай Чжи знал, что именно имел в виду старик.

Бай Чжи, вежливо попрощавшись с гостями, сел в паланкин и покинул банкет.

С этого дня он окончательно закрепился в кругах столичной знати. И всё благодаря императору.

Бай Чжи прислонился к окошку, на его губах играла усмешка.

За эти три года произошло немало интересного: он стал не только музыкантом, но и завел особые отношения с императором.

Отношение императора Сяо Чэня было крайне странным. С одной стороны, он осыпал его милостями, титулами и драгоценностями, и все считали его любимчиком. Но только Бай Чжи знал, что за этим стоят постоянные издевки и скрытое желание унижить его до глубины души.

Это было не просто ощущение — система постоянно фиксировала уровень симпатии, который скакал, как кардиограмма.

В этот момент в окошко заглянула Цзы Цин.

— Господин, — с тех пор как генерал уехал, она больше не называла его «госпожа». — Мы едем домой или сразу во дворец?

— Во дворец, — не раздумывая ответил Бай Чжи. Император прислал за ним еще до начала банкета.

Система: Зачем вы снова идете к этому психопату?

Бай Чжи: Малыш, не будь предвзятым. Да, у Сяо Чэня не всё в порядке с головой, но он хороший человек.

Бай Чжи прислонился к окну кареты, его лицо скрылось в тени.

Если бы не все эти козни Сяо Чэня, он бы никогда не узнал о тайнах, скрытых за этим сюжетом.

Он давно задавался вопросом: почему император, чтящий память отца Линь Моцзюня, выдал сына своего друга за такого деспотичного генерала?

Ведь можно было просто дать ему скромную должность и обеспечить безбедную жизнь.

Бай Чжи с самого начала понимал, что император его не любит. Но правда оказалась куда интереснее.

Император ненавидел его, но не мог убить. А не мог убить — значит, хотел заставить его страдать. И корень всех этих противоречий был в том, что он... любил отца Линь Моцзюня, почти до безумия.

Цзи Чэнъин был старым другом его отца, поэтому неудивительно, что он знал некоторые секреты. Его нынешняя помощь в восстановлении доброго имени семьи Линь наверняка была одобрена императором.

Быть единственным ребенком любимого человека — это как носить на голове яркую зеленую шапку. Удивительно, как император до сих пор не приказал его убить.

— Господин, мы во дворце, — позвала Цзы Цин.

Бай Чжи слегка расслабился.

— Понял. Что ж, с таким интересным персонажем грех не поиграть.